

Въ путахъ шайтана.

Нарысь.

менё сыдила доли на распеченій земли свого подвир я. Сьогодни—Байрамъ, свято; маты пишла у хату переспаты спеку, а батько, старый хаджи Бекирь-Меметь-оглу, якъ и вси правовирни, у-друге вже подавсь до мечету.

Наволо тыша. Лышь одъ села, зъ високого стародавнього минарету, долитають скрыпучи, якъ немазане колесо, згукы побожного поклыку муллы:

— Ла Алла... иль Алла-а... Магометъ расуль Алла-а...

Эмене поклала голову на долони, уперлась ликтямы въ коллина и дывылась.

Передъ нею, мало не з-пидъ нигъ, збигалы внызь по кам'яныхъ горбахъ плянтации тютюну й винограду. Ривни линіи кущивъ выглядалы немовъ зелени рядкы вельчезной кныгы, розгорненой до чытання; плямы тютюну зеленилы на тли сирого каминня, якъ здорови лышай.

Ще ныжче, по писковатій линіи берега, середъ тиныстыхъ садкивъ, билилы роскишни вилы „гяуривъ“ зъ рядкамы чорныхъ стрункихъ кыпарсивъ.

А дали було море.

Блакытне, слипуче-блакытне, якъ крымське небо, воно млило у специ литнього дня, дыхало млоу и деликатнымы тонамы злываючысь зъ далекымъ небосклономъ, чарувало й вабыло у свою чысту, теплу й радисну блакыть...

Зъ правого боку горбатою тинню лигъ въ море Аю-дагъ и мовъ спраглый у спеку звиръ прыпавъ до воды.

Эмене байдужно дывыться на знайомый краевыдъ—й нудно. Вона дивчына—„кызъ“—и не для неи се невидоме, повне чаръ море: вона никола не переплыве його, якъ никола не переступыть похмурои Яйлы, що он-тамъ, за батькивьскою хатою, за селомъ гризно здймае до горы кам'яни хребты, оддиляючы Аллахивъ край одъ стороны невірныхъ.

Ще въ будень, колы Эмене, не покладаючы рукъ, садыть тюнюнъ, пидгортае виноградъ, поливає городыну, або пораеться коло набилу—вона не почуває нуды; але въ свято, отъ якъ теперь, колы буркотлыва маты поснула, батько молыться, а робота чекае будня—дивчына не знае, що зъ собою чыныты.

Кругъ неи тыша и мертвота—якъ на земли, такъ и на кеби. Сонце стоить высоко, распечена земля пашыть кожною грудочкою, кожнымъ каминчыкомъ. Ривный, горячий, мовъ зъ вельтенської печи, духъ иде видъ земли, зъ неба, зъ моря, одъ сирыхъ кам'яныхъ громадъ Яйлы. Блидый шыроколыстый тюнюнъ насычуе повитря наркотычною парою. Въ самому повитри розлыта нуда, про нуду тыхо дзюрчыть струмокъ по каминчыкахъ подвир'я, одъ нуды скаче на ланцюгу старый песь и, глухо побрязкуючы зализомъ, хрыплымъ голосомъ скаржыться небови: Алла-Алла!... Алла-Алла!...

Одынока жаба вылизла зъ калабатыны и зридка меланхолійно кумкае... На темныхъ лапатолыстыхъ фигахъ завзято, мовъ сотни трискачокъ, до одуру, до самозабуття трищать цикады. А проте тыхо, а проте нудно видъ тыхъ одноманитныхъ згукивъ.

Эмене докучыло врешти сыдыты на горячий земли. Зъ линывымы рухамы одалиски вона потяглася, распростувала гнучке молоде тило, звелася й апатычно обвела кругъ себе очыма. Що й робыты, чымъ заповныты святну нуду? Выпадково очи ии зупынылыся на жаби. Велька, розчепирена, вона прыпала жывотомъ до теплои земли, пидняла окату голову и выпускае зъ себе згукы, разъ жалибни, повни скаргы й мелодии, то зновъ сердыти, буркотлыви, немовъ въ середыни у неи, въ ии велькому биластому череви щось клекотыть.

Эмене тыхесенько, на вшынькахъ почала закрадатыся до одынокои, якъ и вона, ропухы. Але жаба помытыла непроханого

гостя й шубовснула у воду, вытягшы задни ноги та пиднявшы зо дна стовпъ намулу.

Дивчына стала надъ ковбанею й дывылась, якъ поволи осидавъ намулъ и вода очыщалась. Але й се выдалось їй нуднымъ.

Эмене скинула зъ нигъ капци, затыснула помижъ колина червони шаравары й почала мыты ноги. Слипуче сонце осявало струнку постать татаркы, грало на рудыхъ, свижо пофарбованыхъ косахъ, жовтому халати й червонихъ шараварахъ, а пидмальовани чорнымъ бровы и червони, тежъ пофарбовани нигти на рукахъ и ногахъ такъ и блыщали до сонця, мовъ наведени поли-турою.

Дивчына хлюпалась у теплій води, колы вразъ, глянувшы на прыбережни осели, вона такъ и заклякла зигнута й зацикавлена. Те, що їи зацикавыло, було не що инше, якъ трое осидланыхъ коней пидъ кганкомъ вилы, а коло ныхъ татарынъ-провидныкъ выдымо чекавъ на когось. Та ось одъ билои стины будынку оддильысь дви жиночи постати, тонки, высоки, мовъ молоди кыпарысы, й пидійшлы до коней. Тутъ Эмене не вытрымала, выскочыла зъ воды и безъ капцивъ, мокрымы ногамы перебигла подвир'я, злягла на тынъ и цикаво выставыла голову з-за дерева. Серце въ неи тьохнуло: вона пизнала Септара—красу кучуккойського парубоцтва, завзятого провидныка, образъ якого бидна дивчына довго носыть у серци, хочъ не см'є й очей звес-ты на свій идеаль, якъ се й прыстало порядній татарській „кызъ“. Але тыхо! Ось жинкы пидходять до коней. Септаръ пидставляє долоню, жинка кладе на неи ногу, злегка торкається до його пле-ча и мовъ м'ячъ выскакує на коня... Тц... тц... тц—крутыть голо-вою Эмене и чує, якъ горяча хвыля крови б'є їй до серця й головы.

— Алла-Алла!—думає Эмене,—ты справедливый, але чому не-вирнымъ жинкамъ краще живеться на свити, нижъ правовир-нымъ?...

Гришни думкы плутаються въ голови у дивчыны. А ныни Байрамъ, а ныни свято! Досадно дивчыни, що до неи прыступає шайтанъ и нашиптує неподобни думкы, и хвылює дивочу кровъ... Винъ прыковує очи їи до того мисця, де передъ хвылею бачыла вона мылого й таке неподибне до власного жыття, и вона не мо-же одирваты ихъ, хочъ уже ничего не бачыть тамъ, опричь спус-тилого мисця передъ кганкомъ вилы...

За килька хвылынъ тупотиння кинськыхъ нигъ по твердй дорози збудыло Эмене зъ задумы. Дивчына стрепенулась, сквапно прыскочыла до частоколу на другому кинци подвир'я и прыпала лыцемъ до шпары. Серце въ грудяхъ трипалось, якъ рыба въ руци, а очи пожадлыво захоплювали клаптыкъ дороги, що выднись у шпарку. Але ще пусто на дорози, нема никого. Та ось задуднила земля и показала кавалькада: по-переду жинка въ сирому, а за нею жинка въ сыньому; поручъ зъ останньою йихавъ Септаръ.

Эмене такъ и йила очыма провидныка. А винъ, круто упершысь рукою въ бикъ, выпынавъ золотомъ шыти груды и зухвалымъ, хыжымъ поглядомъ оглядавъ жинку въ сыньому... На його гладко-голеному, червоному й блискучому, якъ стыглый помидоръ, выду, що выглядавъ з-пидъ круглой зъ золотымъ верхомъ шапочки, малювалась зарозумилисть зъ одтинкомъ прызырства до жиноты, яка свидчыла, що винъ добре розибравъ смакъ провидныцького жыття, та що не одна московська „барыня его любиль... денга даваль“ и що винъ на ти „денга гуляль“. Эмене любовалася його мицнымъ, здоровымъ, якъ огирокъ, тиломъ, тисно затягненымъ въ тонке сукно, його нахабнымъ поглядомъ, який прыймала за ознаку смилывосты й лыцарського духу. Винъ здавався й яснымъ мисяцемъ, що одбывся въ мори ии сердца та протягъ блискучий шляхъ до щастя.

Вразъ пры фиртци калатнувъ розбытый дзвоныкъ. Эмене здригнулась, мовъ зловлена на горячому вчынку и забувшы на капци, прожогомъ кынулась у сины. Дзвоныкъ прохрыпивъ ще разъ. То бувъ знакъ, що надходить чужый мужчына. И справди, ледве Эмене встыгла схвататься, якъ у двиръ увйшовъ ии батько, старый хаджи-Бекирь въ товариствии молодого ризныка Мустафы. Зъ сымъ богобийнымъ ризныкомъ, що наскризь пропахся овечымъ лоемъ, старый хаджи вично мавъ справы, въ якихъ будучнисть Эмене грала не останню ролю.

Саме въ той ментъ кавалькада выйхала на найвыщый пунктъ дороги, и ставна постать Септарова выразно вырысувалася на тли блакытного неба. Хаджи-Бекирь глянувъ туды и його очи блыснулы з-пидъ чалмы. Винъ пиднявъ руку и погрозывши нею въ спыну провидныкови, хрыплымъ голосомъ буркнувъ:

— Кепекъ!... (собака!)

И сплюнувши зъ огыдженнямъ у слидъ кавалькади, винъ повивъ гсстя на веранду, колываючысь на зигнутыхъ, якъ у рахитыка, татарськыхъ ногахъ та похытуючы головою, завятою въ билу чалму. Та чалма, вкупі зъ билою довгою бородою, надавала йому выгядъ старозаконного патріярха.

Эмене пидгледила ту сцену й почула въ серци образу.— Кепекъ! За що кепекъ?—думала вона,—за те, що винъ не цурається гяуривъ, зъ нымы йистъ, пье, говорыть? Адже й гяуры вирять въ Аллаха!..

Незвыкла до думокъ голова іи якось не добге працювала, за те серце іи чуло, що тутъ щось не такъ, що справедливистъ не на батьковзму боци, що Септаръ не мае за собою выны, не заробывъ прызырства за свои вчынкы. Вона, бидна невольныця, замкнена въ тисныхъ межахъ свого подвир'я, въ закратованій, пыльно стереженій видъ мужського ока жиночій половыни— все жъ такы мала очі й дывылась туды, внызъ, на били осели середь роскишныхъ гаивъ, и не могла не бачыты иншого, нижъ ихне татарське, жыття, не могла не ривняты того жыття зъ власнымъ. Вона, напрыкладъ, бачыла тамъ жинку—истоту вильну, товариша—не рабыню мужчыны; жинку, до якои належавъ, якъ и до мужчыны, весь свить... Вона бачыла, якъ та „невір-на“ жинка гойдалася на човни, сміялася, жартувала зъ чужымы мужчынамы, якъ вона гарцювала на кони, або лазыла по горахъ та лисахъ, заходыла до мечету, мовъ до себе въ хату, тоди якъ вона, правовирна дочка Аллахова не сміе переступыты й порога мечету, немовъ яке нечысте створіння...—Кепекъ! кепекъ!—ображено думае Эмене и чуе въ серци жаль до батька, и чогось зитхае, и зновъ шайтанъ нашиптуе ій грішни думкы, каламутыть спокой!..

А зъ веранды, черезъ закратовани викна чутно скрипучый, монотонный голось батькивъ. Старый хаджи може сотый разъ оповидае свою подорожъ до Меккы. Маты прокынулась, брязчатъ филижанкы, пахне кавою.

— И прыйшли мы до Меккы, до Эль-Хораму,—тягне-скрыпты хаджи-Бекиръ,—и запалало мое серце великымъ вогнемъ радости...

И вразъ яскраво, мовъ передъ очыма, уявляеться Эмене картина, яку вона колысь бачыла зъ виноградныка и яка іи сыльно вразыла. Тамъ, надъ моремъ, пидъ злотыстымы видъ за-

ходячого сонця кыпарысамы, танцуюць „гяуры“. Мовъ рижно-барвни метелыкы, пурхають дивчата по зеленому мурижку, а хлопци пидбигають до ныхъ, обіймають отакъ въ поперекъ, стыскають руки, зазырають въ очи й крутятся разомъ, якъ зирвани витромъ квиткы... Спивы, смихы, весели поклыкы лунають по гаяхъ, а въ Эмене росте серце и горять очи. Мовъ зачарована дывыться вона внызь.—Хиба гуріи въ раю веселяться отакъ зъ праведнымы,—шепча вона и не може одирваты очей видъ дывовыжного видовыска, не може насытыться нымъ... Чудовый образъ прынесла вона тоди пидъ батькову стришу, и тої образъ раз у-разъ оживае въ іи уяви и миньтсья, и грае барвамы...

— И сподобывъ мене мылосердный Аллахъ поклоньтсья Ка-аби й очыстыты грихы свои, диткнувшься Эсваду, — скрыпыть хаджи-Бекирь и покрекуе въ одповидь йому богобійный ризныкъ.

Та Эмене не слушае.

Очи іи, якъ и думка, блукають десь по далекому, безкрайному морю.

А воно, невынне и чысте, якъ дивчына, въ слипуче-блакытныхъ шатахъ, зъ нызкою перливъ-пины на шыи, радисно осмихається до берега и пестытсья, и тулытсья до нього, немовъ кохаюча истота. Далеко одъ берега грае въ мори табунъ веселыхъ дельфьинивъ: чорни потворы, мовъ выводокъ чортивъ, выплыгують зъ глыбыны, перекидыаються въ повитри, стримголовъ пирнають въ море и зновъ вырынають, щобъ на-ново распочаты весели грыща.

А ще дали, де лышь око сягае,—не знать, чы по води, чы по неби легкою тинню просовується пароплавъ зъ довжезнымъ позадь себе хвостомъ дыму—и расплывається въ блакытній далыни, и чезне, якъ прывыдъ, якъ мара... Море дыхае; свижий, солоный виддыхъ його шелестыть лыствою, пестыть облыччя, бадьорыть груди.

— Эмене! кель мунда!... (иды сюды),—ростынається зъ подвир'я пысклывый голось матери.

Значыть, гостя вже нема и можна выйты зъ хаты.

Эмене выйшла на поклыкъ матерынъ и мало не звалыла зъ нигъ двоухъ европейокъ, що розмовлялы зъ іи матир'ю, оче-выдячкы не розуміючы одно одного. Дивчата щось пояснялы старій на мыкгахъ, показувалы на димъ, на село, але все надаремне: стара не розумила, хочъ махала головою та удавала, що дуже до-

бре тямь, чога вони хотять. Зъ бесиды проте ничого не выходило. Спочатку гости були збентежени, але побачышы, що их старання йдуть на марне, весело зареготались. Се осмилыло татарокъ. Эмене, яка доси скоса поглядала на чужынокъ, пидступылась бльжче и почала оглядаты ихъ зъ головы до нигъ. Очи въ неи розбигались; все ии цикавыло у тыхъ незнаныхъ ий истогахъ. Спочатку вона злегка смыкнула одну зъ дивчатъ за одежу, а дали зважыла на руци важку косу и зъ захватомъ поцмокуючы промовыла:

— Карбшъ... карбшъ урусъ...

Ти сміялысь и не боронылысь.

Цилкомъ осмилена, Эмене просто накынулася на гостей; вона гладыла имъ руки, лице й волосся, зазырала въ очи, плескала по плечахъ, тулыла до себе, розглядала й обмацувала кожду дрибнечку ихъ туалеты. Поцмокуючы та похытуючы головою, вона прыязно й прудко белькотала щось незрозумилою имъ мовою. Стара татарка тежъ не одставала одъ дочкы й незабаромъ европейкы опынылысь немовъ у неволи у дыкыхъ; вони почалы вже боятыся—колы не за цилисть бокивъ, та за одежу. Не выпускаючы ихъ зъ рукъ, татаркы назносылы имъ усякыхъ ласощивъ: частувалы ихъ кыслымъ молокомъ зъ брудной посудыны, свижымъ инжыромъ та смаженымы на овечимъ лою коржыкамы...

— Кушай, урꙋсь... кушай!—прыпрошувалы вони и заглядалы имъ у ротъ.

Колы гости видйшлы, Эмене ще довго дывылася у слидъ смилывымъ жинкамъ, що самы безъ провидныка-мужчыны прыйшлы з-надъ моря и теперь повертають назадъ, ни передъ кымъ не ховаючы своего гарного облыччя.

И зновъ Эмене сама, и зновъ ий нудно. Вона ныкае по пдвир'ю, безъ цили забигае въ хату, скризъ шукае розвагы, або якого дила. Та дила нема, а для розвагы у татарськой дивчыны одынъ лышъ ресурсъ—строи. На тому й скинчылося. Эмене рочесала й заплела дрибушкамы свои червони, якъ поломинь, фарбовани косы, накынула на себе новый халать зъ дывнымы арабескамы й пидперезалася косынкою такъ, що яскраво розмальований кинець ии закрывавъ ии фигуру, видповидно этикетови, ззаду ныжче стану. Потому вона начепыла на шыю свое багатство—рясне намысто зъ золотыхъ дукачивъ, а на голову накынула маленький фезъ, густо зашытый монетами. Легка чадра на

плечи й червони капци доповняли ии туалету. Лышалося ще на-
рум'яныты лыця та звесты до купы фарбою дугы бривъ. Колы во-
на була готова, то выглядала якъ индйськый божокъ и була ду-
же задоволена зъ себе.

Та на подвир'и, куды вона повагомъ выйшла, никому бу-
ло мылуваться красунею. Бидна дивчына зитхнула.

День уже гасъ. Блиде, втомлене море линыво хлюпало въ
беригъ. Кам'яни шпыли Яйлы рожевилы на неби, сынйй морокъ
ховався по роспадынахъ скель, а лисы по схылу гирь чорнилы,
немовъ спалени.

Эмене глянула до-горы на село. Прытулене до горба, воно
выглядало, якъ вельчезный сцильныйкъ, поставлений сторчъ. Ря-
ды небиленыхъ хать зъ пласкымы землянымы покривлямы сто-
ялы одынъ надъ другимъ такъ, що покривля одного дому слу-
жыла подвир'ямъ для другого. Середъ лиса колонокъ, якымы бу-
лы пидперти пиддашы, чорнилы двери й викна, немовъ входы до
печерь, а разомъ все те нагадувало норы ричныхъ ластивокъ
на крутому берези ричкы. По пласкыхъ пѳкривляхъ сыдила куп-
камы жинота та мовъ рижнобарвни квиткы закрашала святнымы
стройкамы сире тло голого села. Стара генуэзська башта, облупле-
на й погрызена зубомъ часу, стоячы оддаликъ, гризно позырала
зъ высокосты на татарське муравлысько, що ворущылось у ии
стипъ.

Эмене нагледила врешти, кого ий треба.

— Фатьме-э-э!—вереснула вона тонкымъ проймаючымъ голосомъ.

— Эмене-э-э!—почулася одъ села така жъ пысклыва видповидь.

Эмене жваво вхопыла мидяный кухоль и подалася до „чиш-
ме“—по воду.

Вона бигла вгору, поляпуючы капцямы по каменыстйй до-
рози—струнка и зручна, якъ молода кизочка—и чула передсмакъ
усихъ дрибныхъ сплитокъ дриб'язного жыття татарськой жинкы,
зъ якымы чекала на неи биля чишме подруга. Однакъ на шо-
се вона мусила зупынытысь: знайома ий кавалькада чваломъ про-
скочыла повзъ неи—попереду жинкы, а за нымы красунъ Сеп-
таръ, ривный, якъ килокъ, зъ выпнутымы золотымы грудымы, зъ
нахабнымъ, певнымъ у соби поглядомъ.

Кавалькада давно вже промчалась, а Эмене усе стояла на
мисци та дывылась у слидъ ий, немовъ чекала, чы не вернется
ии щастя, шо зныкае з-передъ очей, та чы не визьме ии зъ со-

бою у шыршый, вильнійшый свить, нижъ закратована жиноча
половина въ батьковій осели?... Кепекъ!—прыгадалось їй згирд-
не батькове слово й повна ненавысты постать хаджи.

Серце въ неи упало, слъозы закрутылысь въ очахъ...

*
* *

Въ сели темно и тихо. Крамныци й ятки замкнени, про-
видныкы розсидлалы свои кони, всяки продавци „ялуртá“ (яецъ),
вынограду, чадръ и иншого видклалы свои справы на будень; вза-
гали весь той рухъ, що чыгае на повни кешени гяуриувъ, зупы-
ныло свято. Муэзинъ в-останне проскрыпивъ зъ минарету „ла
Алла“, и правовирни спочывають. Тилькы невсыпуще море бухае
десъ здалека, немовъ незрымый вельтъ выдыхае зъ себе денну
спеку, та зори тремтять въ ничній прохолоди, ховаючысь одна
по одной за чорни, якъ хмары, шпыли Яйлы.

У стипъ генуэзської башты блымае свитло. Тамъ, у за-
копчений дымомъ росколыни, якъ въ дупли велькой деревыны,
варытсья на розжареныхъ вугляхъ кава. Кругъ вогню, пидобгав-
шы схиднимъ звычайемъ ногы, сыдятъ бородати хаджи у велькыхъ
завояхъ и прости мусульманы у фезахъ. Хаджи-Еекиръ займае
почесне мисце: винъ сыдыть поплить зъ мыршавымъ туркомъ у
билому халати та зеленій чалми. То софта зъ самого Стамбулу,
и його мудрыхъ та святыхъ ричей зибралысь послухаты право-
вирни.

Уси мовчать, уси поважни.

Навить красунъ Септаръ, що примостывся оддаликъ, склав-
шы свои сыльни зъ духомъ кинського гною руки на батигъ, якосъ
не такъ гордо выпынае золотомъ шыти груды, зъ меншымъ зух-
вальствомъ позырае навколо.

Вогонь бликамы грае на червоныхъ фезахъ, осявае смагли
облыччя. Мидяный имбрыкъ сычыть на вогни, далеке море рит-
мично бухае...

Та ось кава запарувала у малыхъ филижанкахъ въ рукахъ
гостей— и софта почавъ.

Винъ говорывъ тихо, скрипучымъ монотоннымъ голосомъ,
квитысто и довго. Винъ почавъ видъ Адама. Яскрывымы фарба-
мы малювавъ винъ колышню славу й вельчъ татарського племе-
ни, його бои зъ невірными, въ якихъ стягъ Магометивъ обій-
шовъ мало не пивъ свита. Винъ звельчавъ пышність и мудристь

велькыхъ ханивъ, розчульвця на згадку побожности правовирныхъ и видкрывъ сердце Аллаха, у-щертъ повне радистю й задоволенямъ зъ вирныхъ слугъ пророка Магомета. Якъ мисяць середь зирокъ, якъ орель середь птахивъ—такымы булы мусульманы середь иныхъ народивъ. Винъ прыкыкавъ у свидкы одвични горы, що въ свой непорушности бачылы колышню славу велького народу; здавався на башту, пидъ котрою сыдивъ—вона пам'ятае ти часы, колы по стинахъ їи сплывала кровь гяуривъ, а на шпылы сыявъ пивмисяць...

Майстерно й поэтычно оповидавъ винъ усимъ видоми й усимъ дороги легенды люду, выкыкавъ изъ могылъ тини святыхъ и героивъ, що поклары головы за виру й на славу Аллаха й Магомета. Тексты й пророцтва зъ корана переплиталысь у бесиди, мовъ у штучній ситци, зъ казкамы люду и чаривнымъ запыналомъ покрывалы мынувшисть. Въ чорныхъ софтыныхъ очахъ горивъ огонь, а блиде лице ставало ще блидшымъ. Правовирни слухалы, скупывшы увагу та въ тактъ гайдаючысь на пидобганныхъ ногахъ.

А софта вивъ дали.

Винъ прыгадавъ уси крывды, яки заподіялы гяуры правовирнымъ. Вони зныщылы ихъ царство, зруйнувалы ихни осели, ихне добро; цвитушый, якъ квитка, край обернулы въ пустыню. Де ти людськи селыдбы, де той наридъ, що мовъ працьовыта комашня оселявъ колысь родючу землю? Його нема, його прогнавъ зъ власной земли ворогъ. „Погляньте,—гукавъ винъ, обводячы навколо рукою,—руина! все пожерлы невірни!... Вони заллялы беригъ моря, загарбалы кращи земли, одтиснылы решткы татаръ въ горы, на каминь. П'ядь за п'ядю, ступинь за ступнемъ переходять татарськи земли до рукъ невірнымъ и скоро не буде мисця для святого мечету, не буде де славыты Аллаха й Магомета... Та чы й буде кому? Стари звычай ламаються, пропала чеснисть, простота, счезае страхъ божый... нечестыви заразылы гриховнымы болячкамы правовирныхъ... роспушта...—ракія... *) крадижка навить... Алла-Алла! ты бачышъ!...

И блидый, мыршавый турокъ знявъ руки до мисяця, що саме вырнувъ зъ моря и облывъ усе сынимъ свитомъ.

*) Горилка.

Въ урочыстїи тыши чулось лышь бухання моря та срибне, мелодїине цвиринькання пивденного цвиркуна. Въ далекихъ гаяхъ тоненькымъ голоскомъ плакала сплюшка - сплю-ю... сплю-ю... Чорни горы стоялы, мовъ прывыды, й дывылыся на злотыстыи видъ мисяця шляхъ на мори, шо весь тремтивъ и минывся золотою лускою.

Софта зитхнувъ. Въ зитханню тому почувся ревный жаль за могутнымъ краемъ, уболивання надъ занепадомъ одновирного народу.

— Але ще не все пропало. Ще мылосердный Господь заховавъ для правовирныхъ земли, де гяуръ не мае силы й не знушается надъ вирными. Надъ тою щасливою краиною простягъ свою потужну руку справедливый и мудрый султанъ и, якъ маты дитей, захыщае пидданныхъ. Туды, середъ одновирныхъ и спивплеменныхъ, вызволятыся видъ грихивъ, рятуваты свою душу!... Годи чекаты на смертныи часъ у сьому нечестывому краю, бо колы зложышь тутъ свои кисткы, тяжко буде встаты на останній судъ середъ гришного, чужого людю. Правовирни! Старый и малый, багатый и бидный, слабый и дужый,—отрусить зъ нигъ своихъ порохъ нещасной земли; вступить у слиды богобїйныхъ предкивъ вашыхъ, забирайте свое добро, своихъ жинокъ и дитей и выселяйтеся звидсы пидъ можну правыцю правовирного монарха, блыжче до святыхъ мечетей, до посвяченои стопамы пророка земли... И хай западеться загарбана гяурамы земля, хай справедливый Господь пошле зъ неба вогонь, спалыть ии й розвїе попилъ по безкрайому морю! Ла Алла иль Алла—Магометъ расуль Алла!...

И софта знявъ руки й простягъ надъ землею, немовъ прыкыкавъ на неи гнивъ гризного Аллаха.

У хаджи-Бекира гюрила душа. Винъ дывывсь на софту блыскучымы очыма, винъ бачывъ спадаючий зъ неба вогонь, а тамъ, за моремъ, въ далекой перспектыви, сялы передъ нымъ мусульманськи реликвиїи.

Настала тыша. Жаръ пидъ баштою попеливъ и повный мисяць зъ высокосты поглядавъ на зибрання.

Правовирни однакъ сыдили зи спущенными очыма и немовъ лукава усмишка блукала по ихъ смаглыхъ лыцяхъ.

— Ба,—думалы вони соби,—гяуръ, гяуръ... А зъ того жъ мы живемо, якъ не зъ гяура?...

И прыгадальсь имъ вси несчисленни способы заробиткивъ та барышивъ, яки давали имъ гяуры. Прыгадальсь уси ти „ямурта,“ виноградъ, молоко, пидводы, провидныкы, комирне и т. и., всякого роду „бакшишъ,“ уси ти багати жныва, що збирае зъ гяуривъ, не сіючы й не орючы, татарынъ. Куды имъ выселятысь? по що?—пыталы вони себе и ихъ брала хить въ живи очи розсміятыся мудрому, та несвидомому станови ричей софти.

Однакъ вони мовчали.

Мовчанка врешти ставала прыкрою, усимъ було ніяково, та вызволивъ Септаръ. Винъ прыступывъ бльжче, сперся своїмы здоронными ручышамы на батигъ и промовывъ до софты:

— Ты, кажешъ, чоловиче мудрый—выселяйтеся звидсы... А скажы намъ, чоґо се видъ васъ, зъ Туреччыны, тиснытыся до насъ така сыла обдертого робучого народу та видіймае видъ насъ зарибкы?... Чоґо вони йдуть сюды, колы тамъ добре? А ты насъ кльчешъ туды... Гляды, чы стежкою правды слова твои ходять?... Ты кажешъ—гяуръ, невірний, а у насъ—багатый гяуръ бильшъ важыть, ніжъ двое праведныхъ... Гяуръ жые и намъ дае жыты. У насъ такъ: на Яйлу ходывъ—гроши заробывъ; по морю поплывъ—гроши заробывъ; гяура возывъ—зновъ гроши взывъ... Отъ и ныни я маю п'ятнадцять карбованцивъ,—и Септаръ брязнувъ въ кышени монетою,—а щдъ ты намъ дасы въ Туреччыни, де нема гяуривъ?...

И выпнувшы свои гаптовани золотомъ груды, винъ зъ нахабнистю выдывывся на збентеженого софту, чекаючы на видповидь. Правовирни ажъ цмокнули. Правда, суша правда! Винъ якъ выйнявъ имъ зъ усть ти слова, яки вони могли бъ сказаты въ видповидь софти

Тилькы хаджи-Бекирове сердце спакнуло гнивомъ праведнымъ и, мечучы блискавки зъ очей, винъ гримнувъ на Септара:
— Мовчы ты, поганый наймыте гяуривъ!

Та Септаръ не змовчавъ.

— Эй, старый, я знаю—тебе заздроши хапають на мои зарибкы, якыхъ ты черезъ власну запеклисть не маешъ...

Ахъ, се була правда, глыбоко, старанно затаена правда,—и хаджи не вытрымавъ. Забуваючы на свою повагу й гиднисть хаджи, винъ схопывся зъ мисця и все свое обурення выплунувъ въ лыце Септарови:

— Кепекъ! асма кепекъ!... (псе! скаженный псе!)

Очи въ провидныка наллялись кров'ю и вылизлы на верхъ, якъ у барана. Здавалось, дило скинчуться погано, але Септаръ перемигъ себе.

— Эй, старый! пыльной своей бороды, колы прысвятывъ ии,— погрозывъ винъ хаджи и, круто обернувшись, видійшовъ, насвыстуючы до танцю.

Софта отетеривъ. Чорни очи його стали круглыми й великыми, въ нихъ малюався жакъ. Винъ чекавъ, що заразы розступыться земля й поглыне зухвалого Септара, або гришныкъ знайде соби могылу пидъ руинамы башты, по каминю розибраной обуренымъ народомъ. Але все було по давньому: земля не розступалась, башта стояла на мисци и навить правовирни сьдили спокійно, немовъ ничего не сталося, немовъ вони цилкомъ подилялы Септарови погляды. Ба навить за хвылыну почалы роскодытысь, вымовляючысь тымъ, що вже пизно, а завтра чекають на нихъ справы...

Збентеженымъ, здывованымъ поглядомъ водывъ софта навколо себе—въ голови його немовъ щось свитало:

— Пута шайтана... пута шайтана!...—шепотивъ винъ зсынилымы устами, звернувши блиде облыччя до обуреного хаджи-Бекира.

Але той въ безсылній злости лышень плювавъ та сыпавъ проклены...

Останними покынулы башту хаджи-Бекиръ та софта.

Мовъ прывыды ти сунулысь вони по залытій мисяцемъ вулыци, волочучы за собою довги й головати тини. Сумни и розчаровани, выывалы стари одынъ одному свои жали, й немовъ спочуваючы имъ, зитхало оддаликъ море та тоненькымъ голоскомъ плакала въ гаяхъ сплюшка...

1899.

